

200
170
Е. Т. СМІРНОВЪ.

ПРИАМУРСКІЙ КРАЙ

НА

АМУРСКО-ПРИМОРСКОЙ ВЫСТАВКѢ 1899 Г.

ВЪ

ГОР. ХАБАРОВСКѢ.

г. Хабаровскъ.

Типографія Канцеляріи Приамурскаго Генераль-Губернатора.

1899. 6

170

Е. Т. СМІРНОВЪ.

ПРИАМУРСКІЙ КРАЙ

НА

АМУРСКО-ПРИМОРСКОЙ ВЫСТАВКѢ 1899 Г.

въ

ГОР. ХАБАРОВСКѢ.

г. Хабаровскъ.

Типографія Канцеляріи Приамурскаго Генералъ-Губернатора.

1899.

Напечатано по распоряженію Приамурскаго Генераль-
Губернатора.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга представляет собою первую попытку сдѣлать болѣе или менѣе систематическую сводку современныхъ свѣдѣній о нашемъ Дальнемъ Востокѣ. Она составлялась примѣнительно къ программѣ Амурско-Приморской сельско-хозяйственной и промышленной выставки, бывшей въ гор. Хабаровскѣ въ сентябрѣ 1899 года, захватившей почти всѣ стороны экономической жизни страны. Главная цѣль устройства этой выставки заключалась въ томъ, чтобы „дать наглядное и точное представленіе о производительныхъ силахъ края предъ вступленіемъ его, съ проведеніемъ Великаго Сибирскаго желѣзно-дорожнаго пути, въ новую эру экономической жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужить дальнѣйшему развитію мѣстнаго сельскаго хозяйства и промышленности“, почему описаніе только одной выставки, какъ то предполагалось сначала, не могло дать ни яснаго представленія о краѣ, ни указать на его пасущныя нужды, ни выяснить его будущность. Нужно также замѣтить, что Приамурскій край изслѣдованъ пока слишкомъ еще слабо во многихъ отношеніяхъ и о современномъ его состояніи въ статистической и популярной литературѣ имѣются преимущественно отрывочныя свѣдѣнія, не всегда дающія о немъ правильныя представленія. Между тѣмъ Приамурье, какъ русскій аванпостъ на Дальнемъ Востокѣ и какъ открытое окно въ Великій океанъ съ широкою

будущностью міровыхъ международныхъ сношеній, заслуживаетъ большого къ себѣ вниманія.

Приведенныя соображенія подали мысль расширить программу книги до размѣровъ историко-статистическаго сочиненія, въ основу котораго положены свѣдѣнія нѣкоторыхъ новѣйшихъ печатныхъ источниковъ, архивные матеріалы и данныя выставки. Въ составленіи книги приняли участіе Ф. Р. Дульскій и С. Н. Браиловскій, написавшіе IV и XI главы, а въ приложеніяхъ напечатаны рефераты членовъ бывшаго во время выставки съѣзда сельскихъ хозяевъ и другіе матеріалы, служащіе дополненіемъ къ тексту книги.

Въ силу нѣкоторыхъ, вполнѣ уважительныхъ, причинъ книга составлена и напечатана всего въ два съ половиною мѣсяца. Такой короткій срокъ, вліявшій на быстроту работы, разбросанность, сбивчивость и противорѣчія печатныхъ источниковъ, слабость ихъ критической разработки, быстро измѣняющаяся фізіономія края подъ воздѣйствіемъ западной и восточной культуръ и проч.— все это можетъ служить нѣкоторымъ оправданіемъ составителю въ допущеніи тѣхъ промаховъ и недосмотровъ, которые, надо полагать, найдутся въ книгѣ. Между прочимъ, по нѣкоторымъ причинамъ, въ описаніяхъ сдѣлано предпочтеніе собственно Приамурью, т. е. средней и восточной частямъ амурской рѣчной области, причемъ Забайкалье, сѣверные округа и Сахалинъ затронуты слабо, но даны нѣкоторыя свѣдѣнія о Манчжуріи, экономически связанной съ линіею Амура.

Ев. Смирновъ.

г. Хабаровскъ.

4-го декабря 1899 г.

ГЛАВА I.

Историческій очеркъ занятія Приамурскаго края.

Свѣдѣнія о древнемъ состояніи края.—Неудачное занятіе его сибирскими дружинами въ XVII ст.—Дѣятельность Муравьева-Амурскаго.—Присоединеніе края къ Россіи.—Заселеніе русскими.—Образованіе Приамурскаго генералъ-губернаторства.—Важность края для Россіи въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ.—Занятіе Квантунаго полуострова.

По причинѣ слабой разработки европейскими учеными китайскихъ источниковъ, древняя исторія Приамурскаго края извѣстна только въ общихъ, крайне неопредѣленныхъ чертахъ, сливаясь съ исторіей сосѣдней Манчжуріи, сѣверную окраину которой составляло Приамурье. Изъ сказаній китайскихъ лѣтописцевъ, имѣющихъ преимущественно легендарный характеръ, съ нѣкоторою вѣроятностью можно догадываться, что древнѣйшими обитателями страны были сусени, воинственные звѣроловы и кочевники тунгусскаго корня; отъ сусеней произошли корейцы и манчжуры, заселившіе бассейны р.р. Сунгари и Лю хэ. Манчжуры дѣлились на нѣсколько племенъ, или аймаковъ, изъ числа коихъ самымъ сильнымъ и многолюднымъ былъ аймакъ Хэ-шуйскій, расположенный по р. Амуру, но въ VII стол. по Р. Х. особенно усилилось племя Сунмо, основавшее государство Бохай; въ вѣдѣлы его входилъ Уссурійскій край на востокъ и берега Амура на сѣверѣ. Въ X стол. царство Бохай было разрушено нашествіемъ киданей, народа тюркско-монгольскаго корня, обитавшаго ранѣе въ верховьяхъ Амура; изъ полуосѣдлыхъ и кочевыхъ племенъ вѣстѣн-

наго Китая кидани образовали сильное государство, въ составъ котораго вошла вся Манчурія съ территорією Бохайскаго царства *). Владычество киданей продолжалось до XII вѣка, когда сѣверо-манчжурскія племена, извѣстныя подъ именемъ союза Ню-Чжи, или чжурчженей, вновь образовали національное государство, свергли иго киданей и, завоевавъ сѣверный Китай, перенесли въ гористую, суровую Манчурію его цивилизацію, нравы и обычаи. Во главѣ новаго государства встала династія Гинь, или Цзинь, образовавшая изъ Манчуріи, Монголіи и сѣвернаго Китая могущественную имперію; государи этой династіи отличались широкими культурными стремленіями, заимствовавъ изъ южнаго Китая, бывшаго подъ управленіемъ не менѣе извѣстной династіи Сунь, основы устройства государства, внутренняго управленія, отчасти религію, правила общественной жизни и проч. Этотъ періодъ въ исторической жизни Манчуріи и прилегающихъ къ ней съ сѣвера и востока странъ считается самымъ блестящимъ; здѣсь обитало многочисленное населеніе, жившее въ городахъ и селеніяхъ, процвѣтали земледѣліе, промышленность и торговля. Имперія Гинь существовала, однако, недолго; въ началѣ XIII стол. съ запада надвинулись монголы, а въ тридцатыхъ годахъ она была уже окончательно уничтожена потомками Чингизь-хана. Послѣ неоднократныхъ посѣщеній этихъ неукротимыхъ воителей, собственно Манчурія и входившіе въ составъ имперіи Гинь берега Амура и Уссури на долгое время погрузились въ свое прежнее дикое состояніе и только едва замѣтные, заросшіе лѣсами, остатки городовъ и поселеній напоминаютъ о былой культурѣ, людности и богатствѣ страны. Ударъ, нанесенный монголами, былъ настолько силенъ, что около четырехъ

*) Въ составъ государства киданей входила и сѣверо-восточная часть Средней Азіи, до предѣловъ сельджукскихъ султановъ на югѣ и кочевыхъ тюркскихъ племенъ на западѣ. Полагаютъ, что Китай названъ такъ русскими по имени киданей, съ которыми или самостоятельно, или чрезъ камскихъ болгаръ, они очевидно вхоили въ торговые сношенія и такимъ образомъ получили первыя свѣдѣнія объ огромномъ государствѣ Восточной Азіи. Въ Средней Азіи остатками киданей можно считать, существующія и теперь, узбекскія и киргизскія колѣна *китай*, или *амтай* (есть кара-китай), игравшія здѣсь замѣтную роль въ XI и XII ст.

сотъ лѣтъ манчжуры не могли оправиться и только въ концѣ XVI вѣка ихъ разрозненныя племена соединились подъ начальствомъ талантливаго предводителя Нурхаци, опять образовали сильное государство, завоевали весь Китай, Монголію, часть Средней Азіи и положили основаніе теперешней Китайской имперіи, которую, по господствующему племени, было-бы вѣрнѣе называть Манчжурскою имперією.

Занятіе манчжурами Китая повлекло за собою значительное переселеніе ихъ изъ своей лѣсистой родины на югъ, въ богатыя и людныя мѣстности, гдѣ они, какъ господствующее племя, захватили въ свои руки бразды правленія, заняли мѣста высшихъ начальниковъ въ арміи и по гражданскому управленію. Хотя переселеніе шло не массаами, а постепенно, но въ теченіе трехъ столѣтій оно совершалось постоянно, что повело къ тому, что Манчжурія значительно опустѣла; еще болѣе запустѣли ея сѣверныя и восточныя окраины, — берега Амура и Уссури. По Амуру и его западнымъ притокамъ кое-гдѣ остались полуосѣдлыя и земледѣльческія, родственныя манчжурамъ, племена дауровъ и дачеровъ, всѣ же остальные мѣстности слабо заняты дикія тунгусскія племена, „вздаяшія на собакахъ и оленяхъ, ловцы черныхъ соболей и лисицъ, люди, не сѣющие хлѣба, но питающіеся мясомъ звѣрей и рыбой“, какъ они характеризуются въ одномъ изъ писемъ Тай-Цзуна, второго императора теперешней Дайцаньской династіи.

Почти одновременно съ развитіемъ могущества Дайциньской династіи, въ половинѣ XVII стол., на сѣверныхъ границахъ Манчжуріи появились передовыя партіи предприимчивыхъ и смѣлыхъ русскихъ людей, наводившихъ страхъ не только на бродячія племена дикихъ звѣролововъ, но и на самихъ манчжуровъ, давшихъ имъ названіе „лоча“, или „лочэ“. „Люди царства Лочэ всѣ съ впалыми глазами, высокимъ носомъ, зелеными зрачками и красными волосами“, доносилъ въ 1658 году одинъ манчжурскій генераль своему императору. „Оружіе въ ихъ рукахъ страшно; они храбры, какъ тигры, и искусны въ стрѣльбѣ. У нихъ есть пушки, называемыя арбузами, потому что форма ихъ ядеръ напоминаетъ

арбузъ; они изъ нихъ мѣтко попадаютъ во вражескій лагерь и ядра разрываются, хотя бы на разстояніи нѣсколькихъ ли. Кто бы имъ ни попался, того они убивали. Манчжуры всѣ испугались“...

Толчекъ, данный Строгановыми и Ермакомъ предприимчивымъ русскимъ людямъ изъ казаковъ, крестьянъ и служилыхъ сибирскихъ людей въ довольно непродолжительный періодъ времени довелъ ихъ до береговъ студенаго Охотскаго моря на востокъ, и до береговъ р. Амура на югъ. Сначала они шли все по сѣверной сторонѣ Сибири якутскими и тунгусскими землями и только въ половинѣ XVII стол. начали подвигаться къ югу, „провѣдывать новыя земли“. Первые болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ Амурѣ и населяющемъ его притоки и берега земледѣльческомъ племени даурахъ получились въ сибирскихъ городахъ въ тридцатыхъ годахъ этого столѣтія, а въ 1644 году сюда уже шли изъ Якутска двѣ экспедиціи, изъ коихъ одна дошла только до р. Витима, а другая, подъ начальствомъ Василія Пояркова, дошла до Зеи, спустилась по ней на Амуръ и первые русскіе добровольцы-ратники „напились шеломами“ амурской воды. Отважный Поярковъ сплылъ по Амuru до его устья, пустился далѣе въ открытое море, послѣ продолжительнаго и бѣдственнаго плаванія присталъ къ берегу и вернулся въ Якутскъ, переваливъ на пути пустынный Становой хребетъ. Поярковъ принесъ съ собою первыя положительныя свѣдѣнія объ Амурѣ и живущихъ по его берегамъ даурахъ, воображаемое богатство которыхъ въ то время сильно интриговало сибирскихъ охочихъ людей. Несмотря на малочисленность отряда, онъ совершилъ свою смѣлую экспедицію на Амуръ, имѣвшую чисто развѣдочный характеръ, сравнительно легко въ томъ отношеніи, что нигдѣ не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія, хотя по дорогѣ ему попадались не все только мелкіе, вольные „князцы“ дикихъ звѣролововъ, но и люди, платящіе ясакъ невѣдомому хану, обладающему войсками, „имѣющими лучной и огненный бой“, слѣдовательно входящіе въ составъ какого-то государства.

Исслѣдованія Пояркова не остались безъ послѣдствій:

черезъ небольшой промежутокъ времени по его слѣдамъ двинулись на Амуръ другіе предприимчивые люди, которые и столкнулись на его берегахъ съ войсками хана, „вмѣющими лучной и огненный бой“. Этимъ ханомъ оказался китайскій императоръ, а войсками манчжуры; почти вся вторая половина XVII ст. ушла на борьбу съ ними за обладаніе Амуромъ, который наконецъ и былъ потерянъ для Россіи по нерчинскому договору 1689 года, и въ этой части Азіи была впервые проведена граница между русскими и китайскими владѣніями по восточной сторонѣ Забайкалья.

Изъ русскихъ бойцовъ, смѣло наступавшихъ съ горстью людей на границы великой Китайской имперіи, особенно замѣчательны Хабаровъ и Степановъ, погибшій въ борьбѣ съ манчжурами вслѣдствіе вмѣшательства въ дѣло московскаго правительства. Оба эти дѣятели проявили завоевательныя стремленія, большую энергію и талантливость въ борьбѣ съ многочисленными непріятелями.

Ерофей Хабаровъ, простой вологодскій крестьянинъ, переселился въ Сибирь въ 1636 году; на р. Ленѣ онъ сначала занимался вываркою соли, а потомъ земледѣіемъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Но такая дѣятельность, очевидно, была ему не по нраву; въ 1649 г. онъ, съ разрѣшенія якутскаго воеводы, снарядилъ на свой счетъ партію „охочихъ людей“ и съ ними дошелъ до береговъ Амура, разбилъ толпы даурскаго ополченія и укрѣпился въ Албазинѣ, выстроенномъ на мѣстѣ городка, принадлежавшаго даурскому князю Албазѣ. Устроивъ здѣсь опорный пунктъ, Хабаровъ двинулся внизъ по Амуру, объясачивая попутныхъ дауровъ, дачеровъ, ачиновъ и другихъ инородцевъ, но близъ устья Усури столкнулся съ регулярными войсками манчжуровъ, пришедшими изъ города Нингуты съ ружьями и пушками на помощь своимъ пограничнымъ подданнымъ. Манчжуры были разбиты на-голову страшными „лоча“, потеряли двѣ пушки, восемь знаменъ и до 700 человекъ убитыми. Это была первая блестящая побѣда охочихъ людей надъ войсками государства, и въ то время уже славившагося въ Европѣ своею обширностью, многочисленностью населенія и по-

литическимъ могуществомъ. Несмотря на громкую побѣду и страхъ, наведенный на инородческія племена и манчжуровъ, которые „все испугались“, Хабаровъ однако былъ не въ силахъ удержать за собою побережья Амура; вслѣдствіе малочисленности своей дружины и своеволія и несогласій, возникшихъ въ средѣ его слодвижниковъ, онъ принужденъ былъ вернуться съ нижняго Амура сначала къ устью Зеи, а потомъ въ Якутскъ, откуда чуть не въ качествѣ арестанта былъ отправленъ въ Москву по обвиненію въ пераспорядительности, въ растратѣ „казны“ и проч. Здѣсь его хотя и обласкали и пожаловали званіемъ боярскаго сына, но, вернувъ на Лену въ качествѣ „прикащика“ русскихъ поселеній на этой рѣкѣ, на Амуръ болѣе уже не пускали.

Смѣлый походъ Хабарова, вернушагося съ богатою добычею, взволновалъ русское населеніе Лены и Енисея и партіи охочихъ людей одна за другою бросились на берега Амура и принялись за беспощадный грабежъ и рѣзню мирнаго и слабого въ военномъ отношеніи осѣдлаго населенія его береговъ. Страхъ, наведенный какъ этими искателями приключеній и добычи, такъ равно и послѣдующими походами преемниковъ Хабарова, былъ такъ великъ, что дауры, дачеры и другія мелкія племена къ концу XVII стол. навсегда покинули Амуръ, съ разрѣшенія китайскаго императора переселились въ глубь Манчжуріи и о нихъ осталось только неясное воспоминаніе.

Походъ Хабарова заинтересовалъ и московское правительство, которое рѣшило завоеванную землю присоединить къ своимъ владѣніямъ и заселить ее земледѣльцами и торговыми людьми. Для выполненія этого плана оно взяло дѣло въ свои руки, дѣлало попытки привести въ порядокъ дѣйствія казачьей вельницы, посылало сюда стрѣлцкіе отряды, но ничего не достигло своимъ неумѣлымъ и неумѣстнымъ вмѣшательствомъ, а между тѣмъ съ юга къ Амуру подошли манчжуры и завели упорную борьбу, оттѣсня казачьи партіи все выше и выше по рѣкѣ. Послѣднимъ актомъ борьбы малочисленныхъ и разрозненныхъ партій охочихъ людей и стрѣльцовъ была отчаянная защита Албазина отъ значительнаго отряда

китайцевъ, подступившихъ къ укрѣпленію съ 40 пушками и многочисленною рѣчною флотиліею. Защиту велъ доблестный воевода Толбузинъ, который и умеръ здѣсь отъ полученныхъ ранъ; его мѣсто заступилъ нѣмецъ Бейтонъ, держался болѣе года, держался до тѣхъ поръ, пока изъ первоначальнаго гарнизона, почти въ 700 человекъ, осталось менѣе 70 и всетаки не сдалъ Албазина китайцамъ, а съ честью отступилъ въ слѣдствіе начавшихся между русскимъ и китайскимъ правительствами переговоровъ, закончившихся перчинскимъ договоромъ. Этимъ актомъ весьма сомнительнаго политическаго достоинства Россія обязана князю Василю Голицину, вмѣстѣ съ царевною Софіею правившему Московскимъ государствомъ во время малолѣтства Петра Великаго, и неспособности окольного Головина, уступившаго китайцамъ, сумѣвшимъ застрашать его охраннымъ отрядомъ въ 10 тысячъ человекъ, хотя и самъ онъ не былъ съ голыми руками, а съ конвоемъ изъ одного стрѣлцакаго и двухъ казачьихъ полковъ, т. е. имѣлъ при себѣ дружины тѣхъ же охочихъ людей, смѣло бившихъ китайцевъ почти при каждой встрѣчѣ. Эти два бездарныхъ дѣятеля сходящейся политической сцены Москвы свели на-нѣтъ подвиги отважныхъ сибирскихъ дружинъ; Амуръ былъ потерянъ для Россіи и вопросъ о немъ былъ такъ спутанъ и вкормленъ такъ основательно забыть, что даже Петръ Великій, стремившійся „прорубить окно“ къ открытому морю въ Азовъ и на Невѣ, не обратилъ на него должнаго вниманія.

Въ Поярковѣ, Хабаровѣ, Степановѣ, Черниговскомъ и другихъ предводителяхъ вольныхъ дружинъ во всей типичности воскресли національныя черты предприимчиваго, смѣлаго и энергичнаго русскаго племени; сумѣвшаго изъ мелкихъ, разрозненныхъ славянскихъ народцевъ создать огромное государство. Ихъ дѣятельность напоминаетъ и походы древнихъ русскихъ князей на Каспій, Кавказъ и къ Византіи, и набѣды удалыхъ ушкуйниковъ на чудь-бѣлоглазую, камскихъ зырянъ и луговую мордву, и отчаянные по смѣлости набѣги донцевъ и запорожцевъ на крымцевъ и могущественную въ то время Турцію, ходившихъ на Черное море рѣчными путями старыхъ

русскихъ князей, и дерзкій наѣздъ Разина на Каспій и Персію, и подвиги Ермака въ Сибири, и даже самовольныя дѣйствія нѣкоторыхъ генераловъ, такъ называемаго, петербургскаго періода русской исторіи, вызвавшія извѣстное изрѣченіе Екатерины Великой: „побѣдителя не судятъ“... Во всѣхъ чисто народныхъ предпріятіяхъ дѣйствовали „охочіе люди“, „вольница“, которые добровольно становились подъ начало выборныхъ предводителей, смѣло шли въ невѣдомыя страны, „промышляя земли, казну и рухлядь“, широко тѣшили свою удаль, шли впередъ, не соображаясь ни съ расчетами политики, ни съ силою непріятелей и, благодаря смѣлости, выносливости, удальству и непоколебимому мужеству и отвагѣ въ тяжелую и опасную минуту, почти всегда выходили побѣдителями. Почти на всей азіатской границѣ Руси эти „охочіе люди“, принявшіе почему-то тюркское названіе „казаки“, играли роль „опасныхъ“ (въ смыслѣ охранныхъ) людей, роль передовыхъ застрѣльщиковъ и развѣдчиковъ; ими долгое время охранялись южныя и юго-восточныя границы Руси отъ татарской волны, нахлынувшей изъ глубины Азіи, они первые начали тѣснить эту волну, сбили ее съ „дикаго поля“ Украины, съ береговъ Волги, проникли на Терекъ, на Яикъ; ими же занята вся Сибирь до Охотскаго моря и Камчатки, ими же былъ бы занята и Амуръ и еще въ XVII ст. былъ бы русскою рѣкою, если бы московское правительство не вмѣшалось въ дѣло и не испортило его своею слабостью и нерѣшительностью. Почти двѣсти лѣтъ тому назадъ на его берегахъ было бы Амурское казачье войско, потому что не Китаю было бороться съ этими, хотя и мелкими, но сильными, назойливыми и злыми осами. Этотъ неповоротливый, тяжелый колоссъ на глиняныхъ ногахъ очень быстро потерялъ свою окраинную рѣку, захваченную всего горстью удальцевъ, вмѣсто защиты, втянулъ въ себя обиженныхъ имъ подданныхъ ему дауровъ и въ концѣ концовъ если и выступилъ на защиту границы, то такъ неудачно; что его „храбрыя, какъ тигры“, войска имѣли успѣхъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда бились въ пропорціи десяти-двадцати противъ одного, чѣмъ сразу подорвали свой авторитетъ въ

глазахъ отчаянной вольницы, въ которой въ то время на Руси недостатка не было.

Въ теченіи болѣе полутора ста лѣтъ русское правительство ничего не сдѣлало по амурскому вопросу, хотя благопріятное разрѣшеніе его, въ интересахъ Россіи и вызывалось настоятельною необходимостью улучшенія нашихъ сообщеній съ владѣніями по берегамъ Охотскаго моря, въ Камчаткѣ и Сѣверной Америкѣ. Послѣ дипломатической побѣды надъ окольнымъ Головинымъ, китайское правительство по отношенію къ Россіи усвоило независимый и самоувѣренный тонъ, что заставляло русское правительство опасаться за свою торговлю по всей границѣ съ Китаемъ, тѣмъ болѣе, что въ то время Китай импонировалъ на всѣ государства Европы своею обширностью, огромною численностью населенія и вытекающимъ отсюда предположеніемъ о его военномъ могуществѣ, чего на самомъ дѣлѣ, конечно, не было. Китай просто былъ еще не изслѣдованъ, казался могущественнымъ только издали, хотя его политическую слабость еще въ XVII ст. доказали вольныя сибирскія дружины охочихъ людей, что и подтверждено самымъ нагляднымъ образомъ англо-французскими войсками въ 1860 году и японцами на нашихъ глазахъ.

Кромѣ опасеній за судьбу своей торговли съ заносчивымъ Китаемъ, на русское правительство неблагопріятно повліяли и изслѣдованія въ 1803 году ос. Сахалина и устій Амура, произведенныя адмираломъ Крузенштерномъ. Изъ ложнаго страха предъ тѣми же китайцами Крузенштернъ выполнилъ возложенную на него задачу крайне поверхностно и ввелъ въ заблужденіе и науку, и пославшее его правительство. Онъ не далъ ничего новаго, а подтвердилъ только сбивчивыя извѣстія Лаперуза, посѣтившаго въ 1785 году побережья Тихаго океана между Японіей и Камчаткой и описавшаго эту линію только въ общихъ чертахъ. По донесенію Крузенштерна оказывалось, что Сахалинъ есть полуостровъ, соединяющійся съ материкомъ Азіи своею сѣвѣрною частью, а устье Амура забросано песками до такой степени, что недоступно даже для мелкосидящихъ судовъ. Такой взглядъ на топографію низовій Амура и на Са-

халинъ, высказанный и ранѣе знаменитымъ французскимъ мореплавателемъ, подтвержденный не менѣе извѣстнымъ русскимъ адмираломъ, продолжалъ господствовать въ Европѣ до конца сороковыхъ годовъ, но начавшіяся съ этого періода изслѣдованія русскихъ ученыхъ, въ особенности изслѣдованія академика Миддендорфа, пролили нѣкоторый свѣтъ на глухое Приамурье, на положеніе нашей границы съ Китаемъ, точно не опредѣленной въ восточной части по нерчинскому договору, на состояніе этой окраины Китая, которую онъ совершенно забросилъ и повидимому нисколько не интересовался ею, и повели къ ряду географическихъ открытій, въ концѣ концовъ уяснившихъ и конфигурацію Сахалина, и дѣйствительное состояніе амурскаго лимана. Эти изслѣдованія имѣли для Приамурья огромное значеніе, повліявъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на его дальнѣйшую судьбу.

Въ половинѣ текущаго столѣтія на Амуръ вновь явился отважный и предпріимчивый русскій человекъ; несмотря на всевозможныя препятствія, представляемыя и суровою, дикою природою, и китайскимъ правительствомъ, и высшими петербургскими сферами, державшимися старой политики по отношенію къ заносчивому Китаю, онъ властною рукою занялъ Амуръ съ кусочкомъ юга по Уссуріи и присоединилъ его къ Россіи, прорубивъ широкое, единственное въ русской землѣ, окно къ открытому, великому океану, а чрезъ него къ участию Россіи во всемірной торговлѣ и промышленности, къ живому, дѣятельному участию въ міровой культурѣ и къ теперешней крупной политической роли въ странахъ восточной Азіи. Такимъ человекомъ былъ Н. Н. Муравьевъ.

Назначенный въ 1847 году генераль-губернаторомъ Восточной Сибири, Муравьевъ обратилъ особенное вниманіе на Амуръ, какъ кратчайшій путь для нашихъ сношеній съ Камчаткою, побережьями Охотскаго моря и владѣніями въ Сѣверной Америкѣ, вполне правильно считывая, что въ случаѣ пригодности Амура для судоходства съ свободнымъ выходомъ изъ его устья въ океанъ, тѣ опорные пункты, которые уже создались въ то время въ Забайкальѣ и въ Якутскомъ краѣ, дадутъ возможность, прочно занявъ Приамурье, выдѣлить силы для

оживленія и закрѣпленія сѣверныхъ округовъ, естественныя богатства которыхъ начали самовольно и безнаказанно эксплуатироваться иностранцами. Кромѣ указанной необходимости занятія Амура, вмѣшательство въ его судьбу опиралось и на нѣкоторыя, такъ сказать, юридическія основанія; дѣло въ томъ, что благодаря неопредѣленности сѣверо-восточной границы по лѣвой сторонѣ Амура, китайскіе посты стояли значительно южнѣе тѣхъ „каменныхъ горъ“ (Станового хребта), о которыхъ упоминалось въ нерчинскомъ договорѣ; сверхъ того академикомъ Миддендорфомъ было указано на то неожиданное обстоятельство, что гиляки нижняго Амура не были подчинены китайцамъ; и то и другое доказывало, что китайцы не владѣли фактически частью страны, именно въ низовьяхъ Амура и по сѣверную его сторону.

Но прежде нежели занимать Амуръ, нужно было точно знать, что эта за рѣка и имѣетъ ли выходъ въ океанъ, годный для судоходства. Хотя о послѣднемъ имѣлись, повидимому, положительныя свѣдѣнія Крузенштерна, еще подтвержденные въ 1846 году подпоручикомъ корпуса штурмановъ Гавриловымъ, но Муравьевъ не вѣрилъ этому, очевидно основываясь или на пріоритетскихъ заключеніяхъ о невозможности того, чтобы большая рѣка могла потеряться въ нанесенныхъ ею пескахъ, или на какихъ нибудь другихъ, точно извѣстныхъ ему данныхъ. Всестороннее изслѣдованіе устья Амура и Сахалина Муравьевъ поручилъ капитанъ-лейтенанту Невельскому, опытному и энергичному моряку, обладавшему смѣлостью и способностью юношески увлекаться взятымъ на себя дѣломъ. На суднѣ „Байкаль“, только что выстроенномъ въ Гельсингфорсѣ для обычнаго періодическаго доставленія въ Камчатку припасовъ морского вѣдомства, въ августѣ 1849 года Невельскій вышелъ изъ Кронштадта, обогнувъ Южную Америку, благополучно совершилъ свой дальній путь до Камчатки, а затѣмъ самовольно покинулъ Петропавловскій портъ, спустился на югъ до амурскаго лимана, розыскалъ въ устьяхъ рѣки глубокіе протоки, способные для прохода глубокосидящихъ судовъ, доказалъ и то, что Сахалинъ есть островъ, а не полуостровъ, какъ думали ранѣе; кромѣ того убѣдился и въ

томъ, что гиляки нижняго Амура дѣйствительно не подчинены Китаю и ни отъ кого не зависимы. Своимъ отважнымъ путешествіемъ Невельскій опровергнулъ географическое заблужденіе, созданное апіорическими заключеніями Лаперуза и изслѣдованіями Крузенштерна относительно Сахалина и амурскаго лимана, чѣмъ оказалъ Россіи крупную услугу, которая и была по достоинству оцѣнена императоромъ Николаемъ I, впоследствии поддержавшимъ и Муравьева, допуская на Амуръ отступленія отъ усвоенныхъ нашими дипломатическими сферами въ теченіе полутора столѣтій до боязливости осторожныхъ отношеній къ Китаю.

Послѣдующія изслѣдованія Невельскаго повели къ основанію въ низовьяхъ Амура Николаевскаго поста, на мѣстѣ коего впоследствии выросъ г. Николаевскъ, къ подчиненію окрестныхъ гиляковъ власти Россіи и къ занятію ос. Сахалина, а въ 1854 году Муравьевъ уже спустился по Амуру на пароходѣ „Аргунь“, наскоро выстроенномъ на Шилкинскомъ заводѣ, по слѣдамъ „охочихъ людей“, XVII ст. Пояркова, Хабарова, Степанова и другихъ, какъ и они, приведя въ недоумѣніе и страхъ китайцевъ, державшихся въ г. Айгунѣ и его окрестностяхъ на среднемъ Амурѣ. Въ восточную войну Муравьевъ сдѣлалъ внизъ по Амуру нѣсколько „скавовъ“ войскъ, боевыхъ припасовъ, а также и часть русскихъ переселенцевъ, положивъ этимъ начало прочному занятію страны; въ 1855 году онъ успѣшно отразилъ союзниковъ, пытавшихся напасть на русскія владѣнія на Дальнемъ Востока, и такимъ образомъ практически доказалъ возможность занятія Приамурскаго края не только безъ разрыва съ китайскимъ правительствомъ, но и безъ серьезнаго протеста съ его стороны; доказалъ и правоспособность Амура, какъ судоходной рѣки, и пустилъ въ оборотъ мысль о прочномъ занятіи всего восточнаго побережья съ входящими въ его составъ островами, что обѣщало большія выгоды въ будущемъ такому строго континентальному государству, какимъ въ то время была Россія. Это великое дѣло закончено имъ айгунскимъ договоромъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „лѣвый берегъ Амура, начиная отъ р. Аргуни до морскаго устья Амура,

да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства; отъ р. Уссури далѣе до моря находящіяся мѣста и земли, впредь до опредѣленія по симъ мѣстамъ границы между двумя государствами, какъ нынѣ, да будутъ въ общемъ владѣніи Дайцинскаго и Россійскаго государствъ; всѣхъ-же прочихъ иностранныхъ государствъ судамъ по симъ рѣкамъ плавать не должно; находящихся по лѣвому берегу Амура отъ р. Зеи на югъ, до деревни Хормолдинъ, манчжурскихъ жителей оставить вѣчно на мѣстахъ ихъ жительства подъ вѣдѣніемъ манчжурскаго правительства, съ тѣмъ, чтобы русскіе жители обидѣ и притѣсненій имъ не дѣлали. — Для взаимной дружбы подданныхъ двухъ государствъ дозволяется взаимная торговля проживающимъ по р.р. Уссури, Амуру и Сунгари подданнымъ обоихъ государствъ, а начальствующіе должны покровительствовать на обоихъ берегахъ торгующимъ людямъ двухъ государствъ“.

Этотъ договоръ подтвержденъ Тяньдзинскимъ договоромъ того-же года съ дополнительной статьею объ уступкѣ въ полное владѣніе Россіи Уссурійскаго края, а въ 1860 году пекинскимъ трактатомъ вновь все подтверждено и опредѣлены границы на югѣ Уссурійскаго края, существующія и до сего времени.

Неутомимая энергія Муравьева и его правильный политическій взглядъ на дѣйствительное значеніе Китая на востокѣ Азіи, долгое время импонировавшаго на предприимчивыхъ европейцевъ только своею огромностью, неизвѣстностью и заносчивостью правительства, и на важность для Россіи прочнаго занятія западныхъ побережій Тихаго океана, были оцѣнены по достоинству. Въ 1858 году Императоромъ Александромъ II онъ былъ возведенъ въ графское достоинство съ титуломъ „Амурскаго“, а въ восьмидесятихъ годахъ текущаго столѣтія правительство окончательно укрѣпилось въ мысли использовать Приамурскій край въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, взявъ въ свои руки судьбы Дальняго Востока и создавъ для этого прочную опору въ видѣ густыхъ русскихъ поселеній въ богатомъ и раздольномъ Приамурьѣ, постройки линій желѣзныхъ дорогъ для связи его съ европейскимъ ядромъ Имперіи и

въ широкомъ развитіи военнаго и коммерческаго флота на водахъ Тихаго океана.

Выполненіемъ такого проекта, имѣющаго широкое міровое значеніе, сами собою оцѣниваются не только великія заслуги Муравьева и его талантливыхъ сотрудниковъ, но и „государева служба“ скромныхъ охочихъ сибирскихъ людей XVII столѣтія. Хотя и непризнанные, но сознательные представители силы русскаго племени, „промышляя землицы, казну и рухлядь“, съ цѣлью ударить ими челомъ московскому государю, они прошли насквозь огромную Сибирь, перешагнули чрезъ океанъ въ Сѣверную Америку, первые вступили въ Приамурье и добровольнымъ трудомъ и воинскими доблестями еще двѣсти лѣтъ тому назадъ доказали полную возможность занятія этой страны. Ихъ не смущали и не останавливали ни суровый климатъ, ни лѣсныя пустыни совершенно дикой, неизвѣстной въ то время страны, ни военныя силы Китая, слава о могуществѣ котораго, принесенная на Русь еще монголами временъ „великихъ хановъ“ Гаюка, Мангу, Кублая и другихъ, и до сего времени жива въ сознаніи русскаго человѣка. Энергичный, предприимчивый и смѣлый сибирякъ, не страдающій излишкомъ воображенія и народно-политическими суевѣріями, не смутился подавляющимъ величіемъ Китая и тѣмъ подготовилъ почву для графа Муравьева, блестящій успѣхъ котораго логически вытекаетъ не изъ хитро обдуманыхъ дипломатическихъ расчетовъ, а чисто изъ народнаго сознанія своей собственной силы и не только возможности, но и настоятельной необходимости расправить крылья надъ „великою Азією“ съ ея „народами-пастырями“, своею разрушительною дѣятельностью подготовившими въ средніе вѣка современное жалкое экономическое и политическое положеніе „дряхлаго Востока“.

Послѣ Муравьева, до восьмидесятихъ годовъ текущаго столѣтія, жизнь Приамурскаго края не ознаменовалась ни однимъ выдающимся событіемъ; въ теченіи тридцати лѣтъ здѣсь шла тихая, но неустанная работа по заселенію края и развитію его экономическаго благосостоянія.

Правильная колонизація началась образованіемъ на

Амуръ и Уссури казачьихъ войскъ переселеніемъ сюда забайкальскихъ казаковъ, отчасти по жребію, отчасти по собственному желанію; дѣло велось распоряженіями администраціи, отводившей мѣста и устраивавшей вольныхъ и невольныхъ колонистовъ, почему не обошлось безъ крупныхъ ошибокъ въ выборѣ мѣстъ для станицъ и вообще въ порядкахъ по устройству казаковъ. Впослѣдствіи, въ 1879 году, казачьи поселенія вдоль линіи р. Уссури были передвинуты въ Южно-Уссурийскій край. Такимъ образомъ на Дальнемъ Востокѣ возникли два отдѣла мѣстныхъ охранныхъ войскъ, казаки амурскіе и уссурийскіе, хотя и до сего времени незначительнаго численнаго состава, который впрочемъ постепенно усиливается приселеніемъ выходцевъ изъ забайкальскаго, оренбургскаго и донскаго казачьихъ войскъ. Какъ колонизаціонный элементъ съ спеціально-военнымъ назначеніемъ амурскіе и уссурийскіе казаки не дали преобладающаго значенія въ дѣлѣ заселенія страны и превращенія ея въ ковыхъ дебрей въ культурныя площади. Эту роль выполнили и выполняютъ крестьяне преимущественно среднихъ и южно-русскихъ губерній, а также отчасти и сибиряки изъ западной и средней частей Сибири.

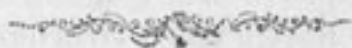
До 1860 года переселенія велись только въ Амурскую область на казенный счетъ и переселенцы устраивались попеченіемъ правительства, но съ этого года пошла, такъ сказать, вольная колонизація, въ восьмидесятыхъ годахъ начавшая проникать и въ южныя мѣстности теперешней Приморской области, особенно усилившаяся съ открытіемъ правильныхъ рейсовъ судовъ Добровольнаго флота. Въ средѣ крестьянъ внутренней Россіи распространилась слава о привольѣ въ землѣ, лѣсѣ и всякихъ крестьянскихъ благахъ, ожидающихъ переселенца на Амурѣ, и вотъ чрезъ необъятную Сибирь потянулись на берега этой легендарной по своему раздолью рѣки таборы переселенцевъ и имя Амуръ сдѣлалось на Руси столь же общеизвѣстно и популярно, какъ имена Волги, Днѣпра, Дона и другихъ рѣкъ, на которыхъ Русь засѣла уже болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ. Южанинъ внутренней Россіи, сибирякъ, а отчасти и ссыль-

ный поселенецъ, благодаря льготамъ въ податяхъ, солдатчинѣ и невмѣшательству неумѣлыхъ, постороннихъ рукъ въ крестьянскіе распорядки, создали по рѣчнымъ долинамъ и среди лѣсныхъ дебрей невысокихъ, волнистыхъ горъ Приамурья мѣстами уже людныя и богатыя поселенія; они выстроили и заселили города, развили промышленность и торговлю, и своею предприимчивостью, энергіею и неустаннымъ трудомъ расчищаютъ почву для будущихъ поколѣній.

Народная волна наступаетъ съ далекаго запада безостановочно и до нашихъ дней и такъ какъ движеніе переселенцевъ все болѣе и болѣе облегчается и желѣзными дорогами, и судами Добровольнаго флота, и заботами правительства, не щадящаго на это ни средствъ, ни труда своихъ агентовъ, то не далеко то время, когда на мѣстѣ лѣсныхъ пустынь образуются людныя и богатыя русскія области, а вдоль побережій Великаго океана загудятъ свистки многочисленнаго русскаго флота. Передъ нашими глазами здѣсь повторяется то, что было 700—800 лѣтъ тому назадъ въ областяхъ Муромской, Суздальской, Ростовской и другихъ, первые насельники которыхъ такъ-же, какъ и здѣсь, смѣло и безостановочно врубались въ дикіе, дремучіе лѣса средне-русской равнины, вели неустанную борьбу съ суровымъ климатомъ лѣсовъ и болотъ, съ инородцами, аборигенами страны, съ звѣрями и гадами; превращали болота въ луга, а сѣчи въ пажити, рубили города и посады, создавая ту народную мощь, которая въ концѣ концовъ раскинулась на необъятное пространство до границы Индіи на югѣ и до „стѣнъ недвижнаго Китая“ и страны „восходящаго солнца“ на востокѣ.

Къ началу восьмидесятыхъ годовъ населеніе областей края настолько увеличилось, что у правительства явилась мысль рядомъ мѣропріятій использовать край въ болѣе широкихъ общегосударственныхъ и политическихъ интересахъ. Рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ 1884 году упраздненіемъ Восточно-Сибирскаго генераль-губернаторства и образованіемъ генераль-губернаторства Приамурскаго въ составѣ областей Забайкальской, Амурской, Приморской и острова Саха-

лина, играющаго пока роль каторжной тюрьмы и ссылочной колоніи; центромъ новаго генераль-губернаторства избранъ гор. Хабаровскъ, выстроенный на мѣстѣ селенія Хабаровки, основанной въ 1858 году и названной въ честь одного изъ самыхъ энергичныхъ и талантливыхъ амурскихъ народныхъ вождей Ерофея Хабарова. Сильная мѣстная власть генераль-губернатора, снабженная широкими полномочіями и денежными средствами, учащенные рейсы пароходовъ Добровольнаго флота, связывающіе Приамурье съ богатымъ и дѣятельнымъ югомъ внутренней Россіи, и постройка Великой сибирской желѣзной дороги, доведенной уже до Иркутска, съ строящимися теперь развѣтвленіями чрезъ Забайкалье до Стрѣтенска и чрезъ Манчжурію до Никольска-Уссурийскаго, — все это самымъ рѣшительнымъ образомъ повліяло на экономическое развитіе этой окраины. Но такъ какъ культурныя, экономическія и политическія цѣли и интересы Россіи на Дальнемъ Востокѣ не кончаются на линіи побережій Тихаго океана и на не естественной по своему очертанію границѣ вдоль Амура и Усури, а должны стремиться и на плоскость океана, и въ глубь азіатскаго материка, то логическимъ послѣдствіемъ развитія края, въ которомъ уже создались прочныя опорныя пункты въ видѣ населенія болѣе милліона человекъ, явилось занятіе Квантунскаго полуострова и расширеніе сферы политическаго и торговаго вліянія на Манчжурію, Восточную Монголію и на застѣнный Китай до области великой Голубой рѣки.

ГЛАВА II.

Географическое описаніе Приамурскаго края.

Амурская рѣчная область въ гидрографическомъ, орографическомъ и климатическомъ отношеніяхъ.—Флора и фауна.—Населеніе.

Исключая сѣверныхъ округовъ, находящихся по восточнымъ побережьямъ Охотскаго моря, полуострова Камчатки и о-ва Сахалина, Приамурскій край и часть прилегающей къ нему съ юга Манчжуріи расположены въ рѣчной области рѣки Амура, притоки котораго захватываютъ своими развѣтвленіями огромное пространство. По длинѣ своего теченія и величинѣ рѣчной области р. Амуръ занимаетъ шестое мѣсто среди величайшихъ рѣкъ Азіи, уступая двумъ китайскимъ: Голубой и Желтой, и тремъ сибирскимъ: Ленѣ, Енисею и Оби, но вслѣдствіе своего болѣе южнаго положенія, вліяющаго на продолжительность навигаціоннаго времени, выходу въ открытый, доступный для всемірныхъ сношеній океанъ, и отсутствію пороговъ, превосходя послѣднія и протяженіемъ судоходныхъ путей, и ихъ удобствомъ. Какъ огромное большинство азіатскихъ рѣкъ, Амуръ не носитъ этого названія отъ своего истока, которымъ всего основательнѣе можно было бы считать р. Ононъ, а принимаетъ его послѣ сліянія р.р. Шилки и Аргуни, сбѣгающихъ съ плоскогорій Забайкалья и сѣверной Монголіи; данное названіе, происхожденіе котораго точно неизвѣстно, рѣка сохраняетъ до своего впаденія въ Татарскій проливъ, отдѣляющій материкъ восточной Азіи отъ о-ва Сахалина, или иначе проливъ Невельскаго, какъ предположено въ послѣднее

время называть его въ честь смѣлаго русскаго моряка, обогатившаго науку географическими открытіями въ этой части побережій Великаго океана. Отъ слиянія р.р. Шилки и Аргуня до своего лимана Амуръ представляетъ собою многоводную, судоходную рѣку на протяженіи болѣе 2700 вер., соперничая въ этомъ съ великою русскою рѣкою, могучею Волгою. На этой линіи теченія Амуръ принимаетъ съ обѣихъ сторонъ множество притоковъ, изъ коихъ болѣе замѣчательны, лѣвые: Зея, Буряя и Амгунь, и правые: Сунгари и Уссури; лѣвые притоки несутъ воды, образующіяся изъ атмосферныхъ осадковъ на южныхъ склонахъ Станового хребта, ограничивающаго рѣчную область съ сѣвера и служащаго водораздѣльною линіею между притоками Амура и южными притоками Лены. Въ верхнемъ и среднемъ теченіи преобладающій цвѣтъ воды Амура темный, что происходитъ отъ родниковъ и болотистыхъ водъ неоглядной тайги, охватывающей вершины его притоковъ; такой цвѣтъ воды Амура далъ китайцамъ поводъ дать рѣкѣ названіе Хэ-шуй, что значитъ „Черная рѣка“. Многоводная Сунгари, несущая желтоватобѣлую, мутную воду, долго несмѣшивающуюся съ темными водами Амура, нѣсколько измѣняетъ указанную особенность; основной темный цвѣтъ воды еще болѣе слабѣетъ отъ притока мутныхъ водъ Уссури и вода Амура принимаетъ далѣе обыкновенный цвѣтъ. Сунгари, немногимъ уступающая верхнему Амуру и своимъ протяженіемъ, и обширностью рѣчной области, несетъ воды гористой и лѣсистой Манчжуріи, а Уссури — избытокъ водъ оз. Ханка и атмосферные осадки хребта Сихоталиня, благодаря пологости западныхъ склоновъ и огромному количеству влаги, приносимой муссонами Великаго океана, дающему начало большому числу хотя и короткихъ, но многоводныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Уссури.

Рѣчная область Амура, заключенная между 42° и 58° с. ш., обнимаетъ пространство въ 38.000 квад. миль *) и представляетъ собою гористую страну съ незначительнымъ числомъ ровныхъ, степныхъ площадей и луговыхъ равнинъ по долинамъ рѣкъ. Преобладающій гористый

*) По теоритическимъ вычисленіямъ Тейхмана.

характеръ страны обусловливается хребтами, цѣпями и горными массивами, обильно разсыпанными въ этой части восточной Азіи; изъ нихъ Становой хребетъ, носящій на западѣ названіе Яблоноваго хребта, ограничиваетъ рѣчную область съ запада и сѣвера, Большой и Малый Хинганы пересѣкаютъ ее въ среднемъ теченіи рѣки, а мало изслѣдованные хребты и плоскогорья Манчжуріи ограничиваютъ съ юга, описывая весьма извилистую водораздѣльную линію между притоками Сунгари и рѣками, впадающими въ заливы Желтаго моря. Горные хребты Манчжуріи и области рѣчной долины Амура и его притоковъ связаны между собою цѣпями и плоскогоріями; совершенно отдѣльно стоящій массивъ представляетъ хребетъ Сихота-Алинь, опускающійся къ Японскому морю крутыми скалистыми скатами; на западѣ онъ ограниченъ долиною р. Уссури и болотистою низиною оз. Ханка, на югѣ долиною р. Суйфуна, а на сѣверѣ низовьями и дельтою Амура. Вся горная страна бассейна рѣки характеризуется, однако, весьма малымъ возвышеніемъ надъ уровнемъ моря, почти нигдѣ не достигая снѣжной линіи, несмотря на то, что вслѣдствіе сѣвернаго положенія страны, эта линія здѣсь не высока; наивысшихъ точекъ, до 7000 фут. абсолютной высоты, достигаютъ только нѣкоторыя вершины Становаго хребта, средняя-же высота хребтовъ и плоскогорій едва достигаетъ до 2000 ф. Здѣсь нѣтъ могучихъ горныхъ массъ средней и южной частей Азіи и страна представляетъ собою всхолмленную поверхность, изрѣзанную безчисленнымъ множествомъ ущелій, узкихъ рѣчныхъ долинъ и овраговъ. Благодаря этому здѣсь не встрѣчается грандіозныхъ горныхъ видовъ съ шапками вѣчныхъ снѣговъ, а преобладающіе темные хвойные лѣса, какъ щетиною усѣивающіе горные склоны и вершины, придаютъ пейзажамъ мрачный, суровый характеръ, не оживляемый ни горячимъ темно-синимъ небомъ, ни яркими лучами южнаго солнца. Нѣсколько веселѣе мѣстность въ Маломъ Хинганѣ и на западныхъ склонахъ хребта Сихота-Алинь, гдѣ виды шире, свѣтлѣе небо, а пейзажъ оживляется роскошною растительностью смѣшанныхъ лиственныхъ лѣсовъ.

Горныя богатства края очень велики, но болѣе или менѣе подробно изслѣдованы пока въ Забайкальѣ, гдѣ разработка золота и другихъ металловъ начата еще въ XVII ст. Значительныя разработки золотыхъ росыпей въ Амурской области и въ Манчжуріи начались съ половины текущаго столѣтія, а Приморская область какъ въ этомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи изслѣдованій другихъ металловъ, а также минеральныхъ богатствъ, находится въ періодѣ предварительныхъ изслѣдованій, которыя, судя по началу, должны дать въ будущемъ выдающіеся результаты, а особенно развѣдки залежей каменнаго угля.

Амурская рѣчная область находится въ числѣ странъ, входящихъ въ сѣверную окраину обширной области муссоновъ, захватывающихъ кромѣ ея Манчжурію, Корею и часть Китая; ихъ восточную границу составляютъ моря Китайское, Японское, Желтое и Охотское съ ихъ заливами и проливами *). Въ восточной Сибири зимою находится наивысшее, какое только извѣстно на земномъ шарѣ, давленіе воздуха, что вызываетъ энергичный токъ нижнихъ слоевъ его къ морямъ, такъ какъ въ это время года въ среднихъ частяхъ Тихаго океана и на моряхъ около экватора давленіе низко вслѣдствіе господствующей высокой температуры. Лѣтомъ, напротивъ, степи и пустыни внутренней Азіи сильно нагрѣваются, давленіе воздуха становится низкимъ, что вызываетъ обратный его токъ съ западныхъ частей океана. Главною причиною высокаго давленія зимою является горный характеръ страны, обуславливающей и весьма правильную періодичность явленій муссоновъ.

Высокое давленіе зимою свойственно вообще всѣмъ материкамъ, находящимся въ сѣверныхъ и среднихъ широтахъ; какъ извѣстно, оно есть результатъ болѣе сильнаго охлажденія твердой земли сравнительно съ поверхностью морей. На основаніи этого физическаго закона можно-бы предполагать, что самое высокое давленіе воздуха на огромномъ материкѣ Азіи должно быть въ центрѣ его; но этого не бываетъ по причинѣ огромныхъ равнинъ, степей и песчаныхъ пустынь, заполняющихъ внутреннюю Азію и вліяющихъ на образованіе мѣстныхъ

*) А. Воейковъ.—„Климатъ области муссоновъ восточной Азіи“.

восходящихъ токовъ, вызываемыхъ частичнымъ нагрѣваніемъ плоскостей и зимою. Въ восточной Азіи, какъ выше сказано, почти совсѣмъ нѣтъ ровныхъ, низкихъ плоскостей, а вся страна заполнена горными хребтами, высокими плоскогорьями и глубокими разрѣзами земной коры въ видѣ ущелій, рѣчныхъ долинъ и овраговъ. Въ продолженіи зимы здѣсь скопляется тяжелый, холодный воздухъ и постепенно стекаетъ къ Тихому океану, образуя весьма правильную періодичность вѣтровъ зимняго муссона; такіе вѣтры, дующіе съ суши, очевидно, должны приносить всегда ясную, сухую погоду.

Какъ выше сказано, въ теченіе лѣта сухія, безводная пустыни и степи Монголіи сильно нагрѣваются, отчего образуются восходящіе токи; въ нижнихъ слояхъ воздухъ разрѣжается, давленіе падаетъ, что вызываетъ притокъ влажнаго воздуха со стороны океана, насыщающаго его своими испареніями. Этотъ влажный воздухъ, характеризующій явленіе лѣтняго муссона, служитъ причиною обильныхъ дождей въ Китаѣ и почти во всей амурской рѣчной области; наиболѣе сильные дожди падаютъ вдоль прибрежныхъ горныхъ хребтовъ, но количество влаги, даваемое океаномъ, такъ велико, что оно проносится муссономъ далеко на западъ, осаживаясь по всей площади горъ до Байкала, причемъ наибольшее количество дождей совпадаетъ съ наибольшимъ нагрѣваніемъ степей и пустынь въ средней части Азіи, что происходитъ въ періодъ съ половины іюня до конца августа.

Описанная періодичность явленій муссоновъ самымъ рѣшительнымъ образомъ влияетъ на климатъ амурской рѣчной области, а отсюда на ея флору и фауну. Даже простыми русскими людьми, привыкшими къ другой періодичности климатическихъ явленій восточной части Европы и западной Сибири, замѣчено, что здѣсь все дѣлается какъ-бы наоборотъ. И дѣйствительно, по причинѣ малаго количества атмосферныхъ осадковъ осенью, зимою и весною здѣсь стоитъ преимущественно сухая и ясная погода; зимы поэтому безснѣжныя и весьма холодныя, крайне неблагоприятно влияющія на растительный покровъ; лѣтомъ-же, напротивъ, выпадаютъ сильные дожди; весенней прибыли воды въ рѣкахъ почти нѣтъ;

половодье происходит летом, какъ въ рѣкахъ средней и южной Азии, берущихъ начало въ могучихъ горныхъ хребтахъ, причемъ влѣдствіе ливней нерѣдко случаются наводненія, причиняющія иногда огромный вредъ жителямъ рѣчныхъ долинъ.

Наибольшее количество дождей выпадаетъ здѣсь обыкновенно въ концѣ іюля и въ августъ. Какъ велика разница въ размѣрахъ атмосферныхъ осадковъ въ зимней и лѣтней періоды, можно видѣть хотя-бы изъ слѣдующихъ цифръ, добытыхъ наблюденіями въ восточной части Приамурья: въ Николаевскѣ изъ годовой высоты столба атмосферныхъ осадковъ въ 512 мм. летомъ выпадаетъ 184, или около 36%, въ Хабаровскѣ изъ 603 мм. годовыхъ, летомъ выпадаетъ 364, или 60%, во Владивостокѣ изъ 336 мм. летомъ выпадаетъ 158, или 45%.

Періодичность явленій муссона, вліяющаго на теченіе холоднаго и сухого воздуха съ горныхъ вершинъ запада къ морскимъ побережьямъ зимою и обратныхъ его теченій, несущихъ въ огромномъ количествѣ испаренія океана, летомъ, обуславливаютъ значительную суровость климата во всей рѣчной области Амура, причемъ переходы отъ высокой температуры къ низкой и обратно вообще рѣзки и неожиданны; это придаетъ климату континентальный характеръ, несмотря на относительную близость океана. Летомъ термометръ нерѣдко показываетъ +24 Ц, а зимою падаетъ до -30, а въ восточной и сѣверной частяхъ и ниже; холода часто дѣлаются невыносимыми влѣдствіе сильныхъ, сухихъ вѣтровъ. Какъ велика суровость здѣсь климата болѣе наглядно показываютъ слѣдующія цифры годовыхъ температуръ мѣстностей Приамурскаго края, лежащихъ на одинаковыхъ параллеляхъ Европейской Россіи: въ Хабаровскѣ годовая температура равна +0,45, въ лежащемъ же съ нимъ на одной параллели (48°, 16') Елизаветградѣ +7, въ Николаевскѣ -2,55, а въ Пензѣ (53° 8') +4,5, во Владивостокѣ +4,60, а во Владикавказѣ (43°, 9') годовая температура + 8,7 и т. д.

Суровость климата въ Приамурскомъ краѣ обуславливаетъ преобладаніе сѣверныхъ формъ растительности, и только на югѣ, именно въ Уссурийскомъ краѣ, появляются

ся южныя формы, свойственныя соотвѣтствующимъ мѣстностямъ Европы, но здѣсь онѣ смѣшиваются съ сѣверными формами, представляя мѣстами рѣдко встрѣчающееся разнообразіе. Въ верхней, западной части амурской рѣчной области преобладаютъ хвойныя лѣса, состоящія изъ лиственницы и березы; даже сосны встрѣчаются довольно рѣдко, только на южныхъ склонахъ и на припекахъ; изъ кустарниковъ наибольшія площади занимаютъ шиповникъ, таволга, богульникъ, разные виды ивы, боярка, черемуха, сибирская яблоня и пр.; перечисленной лѣсной растительности соотвѣствуетъ и травяная, лѣсная и луговая, состоящая изъ сѣверныхъ формъ. По линіи теченія Амура описанный видъ растительности господствуетъ до Албазина; ниже этого пункта, гдѣ мѣстность становится менѣе гористою, хвойныхъ деревьевъ меньше; здѣсь начинаетъ встрѣчаться дубъ, ниже впаденія р. Кумары появляются липа, вязъ и ясень; близъ р. Зеи попадаются уже южныя формы кленъ, акація, а близъ Малаго Хингана черная береза, пробковое дерево, орѣхъ, изрѣдка встрѣчается и виноградная лоза. Въ нижнемъ теченіи Амура южныя формы растительности начинаютъ постепенно исчезать, опять замѣняясь формами сѣверными: елью, лиственницею, березою и пр. По вершинамъ хребтовъ, какъ по линіи Амура, такъ и Сунгари, въ предѣлахъ Манчжуріи, растутъ манчжурскій кедръ, ель, лещенница и пр.

Совершенно оригинальную область въ отношеніи флоры представляетъ собою Уссурійскій край, расположенный по склонамъ хребта Сихота-Алиня. Сѣверные отроги хребта вдоль нижняго Амура, а также восточные склоны вдоль побережья пролива Невельского, гребень и вершины его отроговъ покрыты преимущественно хвойными лѣсами, къ числу которыхъ присоединяется тиссъ; по его западнымъ склонамъ и далѣе на югъ появляются многія южныя формы, смѣшиваясь съ формами сѣверными безъ всякой послѣдовательности. Такъ, ель бываетъ часто обвита виноградомъ, а пробковое дерево и грецкій орѣхъ растутъ рядомъ съ пихтою и кедромъ; липа достигаетъ здѣсь до 100 ф. вышины, въ огромномъ количествѣ встрѣчаются кленъ, ясень, дубъ, грабъ,

вязь, ольха, черная и бѣлая береза, яблоки, груша и и пр., а въ верховьяхъ рѣки Уссури появляются абрикосовое дерево, мелколистный кленъ, древовидный можжевельникъ, манчжурская аралія и диморфантъ, растеніе, встрѣчающееся подъ тропиками. Подлѣсокъ и заросли низовой рѣчныхъ долинъ состоятъ изъ барбариса, винограда, акаціи, крушины, таволги, малины, шиповника, жасмина, бузины, калины, жимолости, лѣсного орѣшника и прочихъ породъ, характерныхъ для среднихъ и южныхъ широтъ. Луговая растительность отличается большимъ разнообразіемъ и роскошью, а особенно въ низинѣ оз. Ханка и окрестныхъ степяхъ; здѣсь травы густы, весьма высоки и украшены яркими цвѣтами.

Южная часть амурской рѣчной области, именно средняя и сѣверная Манчжурія по р. Сунгари и ея притокамъ и мѣстности верхнихъ притоковъ Амура по Керулену и Онону, текущихъ съ западно-монгольскаго плоскогорья, изслѣдованы сравнительно слабо, а потому о ней пока нельзя говорить опредѣленно, не рискуя впасть въ слишкомъ грубыя ошибки. Извѣстно, что здѣсь много оригинальнаго какъ въ растительности, такъ и въ животномъ мѣрѣ, что въ общемъ напоминаетъ Уссурійскій край, съ которымъ восточная Манчжурія имѣетъ близкую связь и одинаковую географическую широту.

Въ фаунистическомъ отношеніи амурская рѣчная область представляетъ тоже значительное смѣшеніе сѣверныхъ формъ съ южными, что особенно бросается въ глаза въ Уссурійскомъ краѣ и въ Манчжуріи. Какъ и въ характерѣ растительности, на Забайкальскомъ плоскогорьѣ и вдоль водораздѣльной линіи Станового хребта до низовой рѣки, преобладаютъ сѣверныя формы; здѣсь встрѣчаются лось, сѣверный олень, мараль (по мѣстному изюбрь), кабарга, рысь, росомаха, бѣлка, соболь, медвѣдь и пр., изъ птицъ—тетерева, рябчики, дикуша, многочисленные дятлы, синицы и прочія породы, свойственныя полосѣ сибирской тайги. На югѣ, по Сунгари и Уссури, къ перечисленнымъ животнымъ присоединяются тигръ, пятнистый олень, барсъ, рысь, непальская куница, енотовидная собака, а изъ птицъ

фазанъ, японскій воронъ, голубая сорока, китайская иволга и пр. Изъ разряда насѣкомыхъ особенно поражаетъ огромное количество комаровъ, мошекъ и оводовъ, являющихся почти повсюду въ Приамурьѣ настоящимъ бичемъ для жителей и животныхъ.

Очень богата и разнообразна и рѣчная фауна, и фауна прибрежныхъ частей Охотскаго и Японскаго морей, ограничивающихъ Приамурье съ востока и юга. Изъ рыбъ большое промышленное значеніе имѣютъ лососевыя и осетровыя, водящіяся въ Амурѣ и его притокахъ; изъ послѣднихъ восточные виды осетра и калуги, не уступающей по своимъ огромнымъ размѣрамъ каспійской бѣлугѣ. Изъ лососевыхъ вдоль побережья водится нѣсколько видовъ, каковы кѣта, горбуша и др., входящія для метанія икры въ Амуръ и рѣки Уссурийскаго края въ огромномъ количествѣ; по ихъ промысловому значенію кѣта и горбуша пока главные рыбы Приамурья; заслуживаютъ также вниманія корюшка, сельдь и прѣсноводныя виды изъ породы сиговъ, а также сазанъ (карапъ), налимъ, сомъ, карась и пр. Вдоль морскихъ береговъ ловятся въ большомъ количествѣ сельди, которые передѣлываются въ удобрительный тукъ, сбываемый въ Японію преимущественно для удобренія рисовыхъ полей. Въ проливѣ Невельскаго и другихъ сѣверныхъ побережьяхъ въ большомъ числѣ водятся тюлени, бѣлуха, въ открытомъ морѣ встрѣчаются киты и пр., а на югѣ имѣютъ промысловое значеніе и безпозвоночныя: трепанги, краббы и шримсы.

Обширный и надѣленный столь богато дарами природы Приамурскій край населенъ однако очень слабо, заключая въ себѣ огромныя пространства такихъ горныхъ и лѣсныхъ пустынь, гдѣ человѣкъ встрѣчается только въ видѣ изрѣдка появляющагося дикаря звѣролова, а изъ русскихъ сюда случайно заходятъ отважныя партіи золотонискателей, ведущихъ вольную, хищническую разработку мѣсторожденій драгоцѣннаго металла. Но это все временныя, налетныя гости необъятной, дремучей тайги, которая находится пока во владѣніи звѣрей и птицъ, живущихъ въ ней на полной свободѣ. Человѣкъ, съ его неутомимою культурною дѣятельностью еще не

дошелъ сюда, занявъ пока болѣе доступныя мѣстности по линіи Амура и нѣкоторыхъ его притоковъ, гдѣ борьба съ лѣсами менѣе тяжела.

Населеніе Приамурья можно раздѣлить на два главныхъ отдѣла: аборигеновъ страны и пришлое населеніе. Коренное населеніе амурской рѣчной области составляютъ монголы и ихъ сѣверное колѣно буряты и племена тунгусскаго корня—манчжуры и собственно тунгусы, а также орочны, манегры, бирары, гольды и гилики.

Буряты, раздѣляясь на осѣдлыхъ и кочевыхъ, обитаютъ въ Забайкальской области по верхнимъ притокамъ Амура Шилкѣ, Онону и пр., а также по степямъ, горамъ и долинамъ рѣкъ, принадлежащихъ къ рѣчнымъ областямъ Лены и Енисея. По изслѣдованіямъ Комисіи статсъ-секретаря Куломзина *), выполненнымъ въ 1896—97 гг., общее число бурятъ, обитающихъ въ Забайкальской области, достигаетъ до 170,850 душъ об. пола, изъ коихъ только половину можно причислить къ составу населенія амурской рѣчной области. Кромѣ бурятъ, въ Забайкальѣ обитаютъ и тунгусы, тоже осѣдые и кочевые, отчасти омонголившіеся отъ соприкосновенія съ бурятами и подъ вліяніемъ ихъ ламъ, а отчасти и обрусѣвшіе. По изслѣдованіямъ той-же Комисіи ихъ насчитывается до 24600 об. пола, причемъ, какъ и буряты, большое ихъ число расположено по верхнимъ частямъ рѣчныхъ областей Лены и Енисея. Кромѣ этихъ племенъ, кое-гдѣ встрѣчаются орочны и якуты.

По верховьямъ притоковъ Амура, Онону и Керулену, впадающему въ оз. Далайноръ (Кулунъ), и по верхней Аргуни кочуютъ монгольскія колѣна сѣверныхъ аймаковъ Монголіи; численность ихъ неизвѣстна и приблизительно. Эти монголы, а также буряты и часть тунгусовъ, принадлежатъ къ ламаизму, представляющему собою обширную вѣтвь буддизма. Ламаизмъ, или ламайская (желтая) вѣра, имѣя своимъ религіознымъ центромъ г. Лассу въ Тибетѣ, кромѣ этой страны, распространена во всей Монголіи, въ Джуңгаріи и проч., представляя характерную религію полудикихъ племенъ монгольской расы.

*) «Матеріалы»; выпускъ 6; Высочайш. учрежд. Ком. подъ предѣд. ст.-секр. Куломзина для наслѣд. землевл. и землепольз. въ Забайкал. обл. Спб. 1898 г.

Въ средней части рѣчной области, преимущественно по правому притоку Амура Сунгари, обитаютъ манчжуры, вмѣстѣ и въ русскихъ предѣлахъ небольшое число своихъ окитаившихся представителей, живущихъ вмѣстѣ съ собственно китайцами и остатками дауровъ въ Айгунскомъ фудутунствѣ (въ окрестностяхъ города Благовѣщенска, на лѣвой сторонѣ Амура). На основаніи айгунскаго договора 1858 года здѣсь допущена рѣдко встрѣчающаяся особенность: лѣвобережная территорія принадлежитъ Россіи, а часть ея населенія въ политическомъ и административномъ отношеніяхъ подчиняется Китаю... Современная численность манчжуровъ, китайцевъ и дауровъ, занимающихъ на лѣвомъ берегу рѣки до 1400 кв. верстъ, точно неизвѣстна; въ прошломъ десятилѣтіи ихъ насчитывали до 16.000 д. об. пола, но въ настоящее время, по причинѣ наплыва китайцевъ въ области Приамурскаго края, вызываемаго отчасти экономическими условіями, а отчасти и политическими соображеніями китайскаго правительства, колонизирующаго Манчжурію, число подданныхъ Китая здѣсь должно быть если не втрое, то во всякомъ случаѣ вдвое болѣе приведенной выше цифры.

Какъ было сказано выше (въ гл. I), вольныя дружины сибирскихъ охочихъ людей въ XVII стол. вытѣснили съ Амура дауровъ, мѣста коихъ и заняли разныя мелкія племена тунгусскаго корня, ведущія и до сего времени преимущественно бродячій образъ жизни, питающіяся звѣроловствомъ, оленеводствомъ и рыболовствомъ. Вслѣдствіе слабости духовныхъ силъ и интеллектуальныхъ способностей всѣ они, повидимому, обречены если не на поголовное вымираніе, то во всякомъ случаѣ на полную потерю своей народности чрезъ ассимилированіе съ пришлымъ русскимъ и китайскимъ населеніемъ. И то и другое явленія въ жизни этихъ инородцевъ начались уже давно; массы пришлаго осѣдлаго населенія и его культура неудержимо гонятъ ихъ все дальше и дальше въ глухую тайгу, въ малодоступныя горы и ущелья обширныхъ хребтовъ; оставшіеся же на открытыхъ мѣстахъ бѣднѣютъ и гибнутъ въ борьбѣ за существованіе, не имѣя настолько духовныхъ силъ, чтобы выйти съ побѣдою изъ этой борьбы при усложнившихся условіяхъ

жизни. Они постепенно теряют свою первобытную религию (шаманство) и бытъ, перенимая и то и другое отчасти отъ русскихъ, отчасти отъ китайцевъ, которые имѣютъ передъ русскими значительное преимущество въ болѣе долговременномъ знакомствѣ съ бродячими звѣроловами и рыболовами Приамурья, въ примитивности своего собственнаго быта и въ индифферентности въ религіозномъ отношеніи. Судя по теперешней степени вліянія на тунгусскія племена Приамурья русскихъ и китайцевъ, трудно рѣшить вопросъ, за кѣмъ останется побѣда въ ассимилированіи съ собою туземцевъ: за русскими-ли, съ ихъ сложнымъ гражданскимъ бытомъ и возвышенною религіею, догматы и мораль которой совершенно недоступны уму дикаря, или-же за китайцами, массаи высылающими сюда исключительно простонародье, бѣдное, грязное въ домашней обстановкѣ, съ внѣшнею, формальною религіею безъ глубокаго внутренняго содержанія, почти нетронутое цивилизаціею своего отечества. Иностранецъ, — тунгусъ, гольдъ или гилякъ, — къ которому русскій крестьянинъ относится хотя и добродушно, но свысока и покровительственно, какъ къ представителю дикой „пестрой орды“, въ китайцѣ и корейцѣ встрѣчаетъ ровню себѣ, а потому легко и быстро съ нимъ сходится, усваивая его взгляды, понятія и привычки, перенимая его одежду, жилища и пр.

Экономическое значеніе иностранцевъ въ жизни края не велико, касаясь исключительно отдѣла добывающей промышленности, причемъ само собою понятно, что пришлое населеніе не можетъ научиться отъ нихъ ничему полезному.

Какъ сами иностранцы не имѣютъ будущности, такъ не имѣетъ ее и ихъ промышленность, потому что почти всецѣло посвящена рыболовству, охотѣ и оленеводству, такимъ ея видомъ, которые могутъ поддерживаться на высотѣ доставленія всего необходимаго для занимающихся ею только при условіи сохраненія страны въ дикомъ, не культурномъ состояніи. Уничтоженіе пришлымъ осѣдлымъ населеніемъ дремучихъ первобытныхъ лѣсовъ, разработка степей и рѣчныхъ долинъ подъ пашни и сѣнокосы, развитіе судоходства на рѣкахъ и образованіе на

нихъ и на морскихъ побережьяхъ казенныхъ и частныхъ рыболовныхъ оброчныхъ статей и т. п. неминуемо уменьшитъ количество звѣря, птицы и рыбы, что нанесетъ этимъ пасынкамъ природы смертельный ударъ. Ихъ главные виды промышленности неминуемо сведутся на-нѣтъ, какъ они уже свелись въ сѣверо-восточной части Россіи, гдѣ остатки когда-то многолюдныхъ охотничьихъ племенъ: чувашъ, мордвы, черемисъ и другихъ, принадлежащихъ къ финской и тюркско-монгольской расамъ, давно оставили исключительный бытъ звѣролововъ, значительно обрусѣли и перешли къ земледѣлію и другимъ видамъ добывающей промышленности.

Изъ инородческихъ племенъ линіи Амура и морскихъ побережій болѣе одареннымъ нужно считать собственно тунгусовъ, разбросанныхъ по среднему и нижнему теченію рѣки, а также вдоль водораздѣльной линіи Станового хребта. Тунгусы сильны физически, энергичны и жизнерадостны, но дѣтски легкомысленны и беззаботны до крайности. Столь-же разбросаны по рѣчной области Амура и близко родственные тунгусамъ орохоны, встрѣчаясь и въ верхнихъ ея частяхъ, въ Забайкальѣ, и въ Уссурійскомъ краѣ; здѣсь, въ горныхъ, лѣсныхъ пустыняхъ хребта Сихота-Алиня и по сѣверо-восточнымъ его склонамъ, орохоны представляютъ собою настоящихъ дикарей, находящихся на самой низкой ступени умственного и гражданскаго развитія. На среднемъ Амурѣ живутъ два небольшихъ племени—манегры и бирары, часть коихъ подчинена китайскому правительству; они платятъ ему ясакъ и отбываютъ воинскую повинность въ Манчжуріи, преимущественно въ Цицикарѣ и Мергенѣ.*) Къ востоку отъ Малаго Хингана на Амурѣ и по сѣвернымъ притокамъ рѣки, а также по низовьямъ рр. Сунгари и

*) Кромя манегровъ, сунгарійскіе и амурскіе гольды, заселеніе прибрежную полосу по правому берегу Амура отъ устья Сунгари до Усури съ 1880 года входятъ въ составъ слушалаго военнаго сословія сѣверо-восточной Манчжуріи и образуютъ батальонъ изъ четырехъ сотенъ; въ 1888 году гольдскому населенію по р. Усури сдѣлана китайскими властями полная перепись и нѣкоторые изъ нихъ привлечены къ воинской повинности параллель съ амурскими и сунгарійскими гольдами. Указанные инородцы содержаніе и одежду имѣютъ собственныя, для обученія собираются два раза въ годъ, каждый разъ на двѣ недѣли; служатъ съ 18 до 50 лѣтъ.